

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(37)

Н. А. Поликарпова

Дефиниции смерти в произведениях римских сатириков I–II вв.

Изучение феномена смерти как одного из важнейших параметров коллективного сознания позволяет углубить знания о ценностных ориентирах, поведенческих моделях, повседневных практиках людей минувших эпох. На основании данных, почерпнутых в произведениях римских сатириков I–II вв., выявлены представления о смерти в Риме эпохи ранней Империи.

Ключевые слова: сатира, Римская империя, порок, смерть, самоубийство, «хорошая смерть», «римская смерть».

N. A. Polikarpova

Definitions of the Death in Works by the Roman Satirists of the I–II centuries

Studying of the phenomenon of the death as one of the most important parameters of collective consciousness allows to deepen knowledge of valuable reference points, behavioural models, daily practices of people of the past eras. On the basis of the data obtained in works of the Roman satirists of the I-II centuries, ideas of the death in Rome of the epoch of the early Empire are revealed.

Keywords: satire, the Roman Empire, a defect, death, suicide, "good death", "the Roman death".

В современной науке концепт «смерть» представляет собой комплексное понятие, смысловое наполнение которого весьма вариативно и не ограничивается исключительно рамками биологии и медицины. По мысли отечественного историка-медиевиста А. Я. Гуревича, «восприятие и переживание людьми смерти – неотрывный ингредиент социально-культурной системы, и их установки в отношении этого биологического феномена обусловлены сложным комплексом социальных, экономических, демографических отношений, преломленных общественной психологией, идеологией, религией, культурой» [4, с. 135]. Таким образом, смерть как феномен существует не просто в качестве «вещи в себе» – представления о ней, погруженные в конкретный исторический контекст, являются составной частью истории ментальностей, истории повседневности.

Для освещения заявленной темы большой интерес представляет комплекс сатирических произведений эпохи ранней Римской империи, поскольку римскую сатиру всегда отличал сугубый реализм, а не создание обобщенных типов комических персонажей, повышенное внимание к повседневной действительности, к так называемой «прозе жизни» [11, с. 5].

С точки зрения внимания к феномену смерти наиболее репрезентативными произведениями можно считать «Эпиграммы» Марка Валерия Марциала (ок. 40 – ок. 104 г. н. э.) [5] и «Сатиры» Децима Юния Ювенала (ок. 60 – ок. 127 г. н. э.) [12].

Современники императоров династии Юлиев-Клавдиев и первых «венценосцев» из династии Антонинов, Марциал и Ювенал, изображали преимущественно реальные события и реальных людей. Разница между творчеством поэтов состоит, во-первых, в том, что «Марциал описывает жизнь и нравы современного ему Рима, говоря о том, что он видит и слышит сегодня, а Ювенал в большинстве случаев язвит своими сатирами не то, что есть, а то, что было; во-вторых, у Ювенала “порождается стих возмущением”, тогда как Марциала редко покидает веселый юмор, и даже то, что его возмущает, он изображает обычно без злобы, а с насмешкой, хотя и язвительной, и очень острой» [7, с. 8].

Многообразие проявлений людских пороков и страстей в пространстве художественных текстов «Эпиграмм» и «Сатир» символизирует слабость и развращенность человеческой души и, кроме того, демонстрирует, что результатом их пагубного воздействия нередко является смерть.

Общество в эпоху ранней Римской империи отличалось высоким уровнем социальной мобильно-

сти. Это стало возможным благодаря тому, что социальная позиция индивида при возрастающей значимости уровня доходов и финансовой состоятельности во все меньшей степени зависела от знатности происхождения. Желаящих улучшить свой социальный статус посредством возможностей «социального лифта», судя по данным источников, было немало. Такие лица, культивируя в себе *жадность*, использовали самые неблагоприятные способы обогащения. Один, и, по всей видимости, наиболее распространенный, из вариантов заключался в том, чтобы втереться в доверие к тому, кто стар, бездетен и богат [5, IX, 47], и при помощи подарков, внимания и лести добиться составления завещания в свою пользу [5, VI, 63]. Затем мошеннику оставалось только дожидаться смерти «нового друга» или, возможно, даже всячески способствовать ее наступлению [5, VI, 63].

Некоторые проницательные дельцы в ожидании «счастливого случая» обращались к астрологам и гадалкам, чтобы те предсказали им столь желанную «смерть богача холостого и крупные деньги в наследство» [12, II, VI, 550].

Перед возможностью быстрого обогащения подчас оказывались бессильны даже узлы законного брака. Ради легкой наживы супруг мог пожертвовать жизнью собственной жены [5, IV, 69; 5, X, 43]. И хотя авторами напрямую не говорится, какова причина совершения таких злодеяний, можно предположить, что тот, кто хоронит «уж седьмую жену» [5, X, 43], неоднократно совершал преступления с целью сохранить за собой приданое каждой из безвременно почивших жен.

Подобными уловками пользовались также и жены [5, IX, 78; 12, I, I, 70]. Однако в случае женщины, *de jure* занимавшей подчиненное положение в супружеских отношениях, причины лишения мужа жизни были более разнообразными. Одной из них являлась возможность материального обогащения римлянки в случае смерти супруга. Ограничений для женщины в такой ситуации было, однако, больше: при заключении брака она должна была перейти под власть мужа, юридически становясь его «дочерью» и отказываясь при этом от своих близких, чтобы впоследствии, при оформлении мужем завещания, состояние супруга по праву наследования не отошло родственникам жены [9, с. 130]. И хотя требование закона Августа о новом вступлении в брак в течение 12 месяцев после смерти супруга, по всей вероятности, вновь могло лишить женщину права обладать состоянием усопшего, на-

дежда на быстрое обогащение вселяла в нее уверенность в успехе подобных авантур.

Наиболее вероятная, на наш взгляд, причина выбрать в качестве способа расторжения брака умерщвление супруга состояла в том, что разведенные женщины в римском обществе не приветствовались. Вдовы же, напротив, не испытывали на себе общественного отчуждения и могли позволить себе вступить в новый брак.

По мнению Ювенала, причиной убийства мужей их супругами выступала несовершеннолетняя природа последних, ведь считалось, что «женщин всегда к преступленью приводит гнев» [12, II, VI, 647–648].

Склонность женщин к проявлению таких негативных качеств, как *гнев и жестокость*, могла привести к гибели не только ненавистного мужа, но и невинных детей. Благодаря текстам источников, нам известны случаи, отражающие асоциальное поведение матерей, которое, в отличие от узаконенного права *pater familias* (отца семейства) распоряжаться жизнью и смертью своих детей, в патриархальных обществах и в древнеримском в том числе, неизменно воспринималось не только как «сбой» гендерной идентичности женщины, но и как уголовное преступление:

«Злая гадюка, обедом одним умервила двоих ты,
Сразу двоих? – “Будь семеро их, семерых бы я тоже...”»
[12, II, VI, 639–642].

Поэты-сатирики приписывали женщинам не только склонность к неоправданной агрессии, но и *мстительность* как ее прямое следствие. Более того, сознательные усилия сатириков I–II вв. способствовали складыванию и укреплению стереотипа, согласно которому, месть, как пережиток прошлых, диких времен – есть исключительно женский недостаток. Таким способом мужчины как носители культуры, а значит, и знаний, пытались сформировать представление о женщине как о низшем, не избавившемся от животных инстинктов существе, нуждающемся в контроле и обуздании:

«...месть же
Есть наслажденье души незначительной, слабой и низкой:
Явствует это хотя б из того, что никто не бывает
Так отомщению рад, как женщины»
[12, V, XIII, 189–192].

Неверные мужья нередко становились объектом мести супруги, но не всегда склонные к полигамии мужчины страдали напрямую. Женская ярость гораздо чаще обрушивалась на наложниц мужа и рожденных вне брака детей, поскольку всем известно, что «жены не терпят детей от наложниц» [12, II, VI, 628]. И хотя физически стра-

дал ребенок, которого как потенциального наследника надлежало уничтожить [12, II, VI, 629], действительной мишенью мести все же являлся муж, поскольку умерщвление ребенка рассматривалось способом пресечения возможности воплощения отца в своем потомстве, пусть даже незаконнорожденном.

Несогласие многих женщин с существующей в древнеримском обществе политикой двойных стандартов в интимной сфере, воспринимавшей как проявление нормы внебрачные сексуальные связи со стороны мужей, нередко выражалось в попытках римских матрон ликвидировать проявление неравенства посредством внебрачных связей, к примеру, с рабами. Но подобное поведение римлянок воспринималось социумом, прежде всего, как симптом женской безнравственности и склонности слабой, подвижной страстями женской души к *разврату* [2, р. 43]. Следствием таких, по мнению Ювенала, порочных действий являлась нежелательная беременность, как правило, прерываемая по инициативе женщины, не желавшей быть уличенной и наказанной за измену. Стоит отметить, что аборт как мера пресечения беременности часто приводил не только «к убийству во чреве» [12, II, VI, 596]. Он грозил смертельной опасностью и пациентке, и лицу, производившему операцию. Однако, согласно закону, лекарь мог быть наказан «не за сам аборт, не за убийство ребенка (который принадлежал отцу), а за смерть матери» [8, с. 323].

Смерть в произведениях поэтов I–II вв. не только являлась порождением пороков – нередко, в соответствии с жанровыми особенностями сатирических текстов, она сама по себе являлась насмешкой. Так, среди вариантов добровольного ухода мужчин из жизни и Марциал, и Ювенал неоднократно упоминают повешение [5, IV, 77; 5, VIII, 61; 12, II, VI, 30; 12, IV, X, 53]. Марциал в одной из эпиграмм даже замечает, что желал бы одного из своих знакомых, Зоила, «видеть в петле» [5, IV, 77]. Ирония состоит в том, что повешение представляет собой единственный в античной литературной традиции пример «самоубийств, в котором женщины численно превосходят мужчин» [10, с. 24]. Исследователь А. ван Хоф отмечает, что «в римском праве повешение часто обсуждалось; к нему относились как к позорному способу ухода из жизни, предполагавшему нечистую совесть» [10, с. 25]. Кроме того, особую склонность использовать веревочную петлю проявляли натуры эмоциональные, не-

уравновешенные, к примеру, девственницы [10, с. 22].

Таким образом, приписывание мужчинам «женского», а значит, и низкого способа ухода из жизни свидетельствует о глубине презрения авторов к таким лицам. А сравнение с девственницами, намекавшее на отсутствие у таких мужчин любых проявлений сексуальной активности, в римском обществе считалось также доказательством отсутствия активности политической [2, р. 71], что должно было вдвойне ударить по авторитету высмеиваемых сатириками лиц.

Несмотря на всю едкость критики поэтов, ими приводятся отнюдь не только негативные примеры коннотации смерти. В качестве образца «хорошей смерти», или эвтаназии, которая, согласно А. ван Хофу, подразумевала не просто легкую, безболезненную смерть, встреченную без страха и со смирением, но также благородную кончину добродетельного лица [3, р. 976], можно назвать смерть Катона. Странник республиканских идей, видный философ-стоик, Катон Младший считался в период Империи канонической фигурой, олицетворявшей наивысшие римские республиканские ценности. Уход из жизни этого человека не просто соответствовал определению «хорошей смерти», но и во многом способствовал складыванию понятия «римской смерти», или благородного самоубийства [3, р. 983]. В «Эпиграммах» Марциала наступившее в результате удара в грудь мечем самоубийство Катона – противника Цезаря, не желавшего сдаваться на милость победителя, также признается достойной смертью [5, I, 8; 5, I, 78; 5, VI, 32]. Однако Марциал тут же замечает, что «тот не по мне, кто легко добывает кровью известность; /тот, кто без смерти достиг славы, – вот этот по мне» [5, I, 8].

Отвергая смерть как способ приобретения популярности, Марциал все же дает, по его мнению, гораздо более достойный пример истинно «римской смерти». Согласно интерпретации поэта, даже более благородной и возвышенной, чем смерть Катона, являлась кончина некоего Феста, который:

Схваченный злою чумой за свое неповинное горло,
Только лишь черная хворь подобралась к лицу,
Сам, без единой слезы, утешая друзей огорченных,
Принял решение... к Стикса озерам уйти.
Не осквернил он, однако же, уст своих тайной отравой
И не замучил себя голодом медленным он.
Нет, безупречную жизнь пресек он римскою смертью
И отпустил он путем доблестным душу свою

[5, I, 78].

Марциал, критикуя «блюда и обстановку богатого пира и убогого угощения, наряд щеголя и уб-

ранство гетеры, тайны римских терм и спален, роскошь городских дворцов и загородных дач, все прельщения и разврат театров и цирка, вакханалии Субуры и ужасы Колизея» [6, с. 80], тем не менее, обладал способностью искренне «грустить... над смертью рабыни-малютки и сочувствовать отцу, льющему слезы над могилой безвременно похищенной дочери» [6, с. 80].

Безвременно почившие дети и молодые люди часто упоминаются в «Эпиграммах» Марциала [5, II, 75; 5, III, 19; 5, IV, 18; 5, V, 34; 5, VI, 28; 5, VI, 52; 5, VII, 96; 5, X, 61] как доказательство превратностей Судьбы, лишаящей жизни наиболее чистых, не подверженных разрушающему действию порока лиц. Их смерть символизировала в «Эпиграммах» тщетность надежд на светлое будущее.

Для населения Древнего Рима первостепенное значение имело сохранение в памяти последующих поколений образа умершего человека. Высокая смертность детей, сложившиеся традиции стоического отношения к гибели малолетних и шаблонный характер эпитафий, перечислявших лишь имена погибших и дарителей надгробий, не позволяют даже создать образ погибшего ребенка [1, р. 339]. В связи с этим значимость эмоциональных описаний преждевременно ушедших из жизни детей у Марциала состоит в том, что они берут на себя функцию коммеморации, то есть сохранения памяти о невинных младенцах.

Ювенал также обращает внимание на несправедливость Судьбы. У поэта, однако, она проявляется в пронзительных сентенциях об иррациональности, бессмысленности смерти, уносящей жизни людей в результате природных катаклизмов, несчастных случаев и нелепых случайностей. Так, автор отмечает, что теснота городских улиц, скученность построек, особенно в пределах центра Вечного города, множили число непреднамеренных убийств [12, I, III, 7–8; 12, I, III, 274–275], способствовали распространению пожаров [12, I, III, 197–199], заболеваний [12, I, III, 233–234], от которых в одинаковой степени страдали мужчины и женщины, взрослые и дети.

Таким образом, репрезентации феномена смерти в сатирических произведениях римских поэтов Марциала и Ювенала многообразны. Смерть выступала как индикатор, отражающий степень порочности общества императорского Рима. Она могла также символизировать достойный конец славной жизни. В одних случаях смерть представляла собой насмешку над ничемными людьми, в других несправедливость и слепоту рока. Но вне зависимости от коннотации

смерти внимание поэтов-сатириков первых веков нашей эры к феномену смерти подтверждает важность и актуальность данной проблемы для современных исследователей, пытающихся через многообразные проявления истории повседневности понять «картину мира» человека давнего прошлого.

Библиографический список

1. D'Ambra E. Racing with Death: Circus Sarcophagi and the Commemoration of Children in Roman Italy [Текст] // *Hesperia Supplements*. – Vol. 41: Constructions of Childhood in Ancient Greece and Italy, 2007. – P. 339–351.
2. Edwards K. The politics of immorality in ancient Rome [Текст]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 244 p.
3. Hooff Van A. J. L. Ancient euthanasia: 'good death' and the doctor in the graeco-Roman world [Текст] // *Social Science & Medicine*, 2004. – № 58. – P. 975–685.
4. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: О новом направлении в зарубежной историографии [Текст] // *Одиссей. Человек в истории*. – М., 1989. – С. 114–135.
5. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы [Текст] / пер. с лат. Ф. Петровского. – М.: Художественная литература, 1968. – 487 с.
6. Олсуфьев. Марциал. Биографический очерк [Текст] – М.: Типогр. А. И. Мамонтова. – 1891. – 136 с.
7. Петровский С. А. Эпиграммы Марциала [Текст] // Марциал Марк Валерий. Эпиграммы / пер. с лат. Ф. Петровского. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 5–15.
8. Руссель А. Политики телесности в Древнем Риме [Текст] // *История женщин на Западе: в 5 т. – Т. I: От древних богинь до христианских святых / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро ; под ред. П. Шмитт Пантель*. – СПб.: Алетей, 2005. – С. 310–352.
9. Томас Я. Разделение полов в римском законодательстве [Текст] // *История женщин на Западе: в 5 т. – Т. I: От древних богинь до христианских святых / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. П. Шмитт Пантель*. – СПб.: Алетей, 2005. – С. 106–167.
10. Хоф ван А. Женские самоубийства в античном мире: между вымыслом и фактами // *Вестник Древней истории*. – М., 1991. – №2. – С. 18–44.
11. Чистякова Н. А. Предисловие [Текст] // *Греческая эпиграмма VIII–III вв. до н. э.* – Л.: Издательство Ленинградского Университета. 1983. – С. 3–9.
12. Ювенал. Сатитры [Текст]. – СПб.: Алетей, 1994. – 223 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. D'Ambra E. Racing with Death: Circus Sarcophagi and the Commemoration of Children in Roman Italy [Tekst] // *Hesperia Supplements*. – Vol. 41: Constructions of Childhood in Ancient Greece and Italy, 2007. – P. 339–351.
2. Edwards K. The politics of immorality in ancient Rome [Tekst]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 244 p.
3. Hooff Van A. J. L. Ancient euthanasia: 'good death' and the doctor in the graeco-Roman world [Tekst] // *Social Science & Medicine*, 2004. – № 58. – P. 975–685.
4. Gurevich A. YA. Smert' kak problema istoricheskoy antropologii: O novom napravlenii v zarubezhnoy istoriografii [Tekst] // *Odissey. Chelovek v istorii*. 1989. – M., 1989. – S. 114–135.
5. Martsial Mark Valeriy. Epigrammy [Tekst] / Per. s lat. F. Petrovskogo. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1968. – 487 s.
6. Olsuf'yev. Martsial. Biograficheskiy ocherk [Tekst] – M.: Tipogr. A. I. Mamontova. – 1891. – 136 s.
7. Petrovskiy S. A. Epigrammy Martsiala [Tekst] // Martsial Mark Valeriy. Epigrammy/ Per. s lat. F. Petrovskogo. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1968. – S. 5–15.
8. Russel' A. Politiki telesnosti v Drevnem Rime [Tekst] // *Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t.* – T. I: Ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh / Pod obshch. red. ZH. Dyubi i M. Perro; pod red. P. Shmitt Pantel'. – SPb.: Aleteyya, 2005. – S. 310–352.
9. Tomas YA. Razdeleniye polov v rimskom zakonodatel'stve [Tekst] // *Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t.* – T. I: Ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh/ Pod obshch. red. ZH. Dyubi i M. Perro; pod red. P. Shmitt Pantel'. – SPb.: Aleteyya, 2005. – S. 106–167.
10. Khof van A. Zhenskiye samoubiystva v antichnom mire: mezhdru vymyslom i faktami // *Vestnik Drevney istorii*. – M., 1991. – №2. – S. 18–44.
11. Chistyakova N. A. Predisloviye [Tekst] // *Grecheskaya epigramma VIII–III vv. do n. e.* – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta. 1983. – S. 3–9.
12. Yuvenal. Satitry [Tekst]. – SPb.: Aleteyya, 1994. – 223 s.